

В ПОМОЩЬ АСПИРАНТУ

*Сергей Михайлович ХАЛИН —
профессор кафедры философии,
доктор философских наук*

УДК 122.16

I. ПРИРОДА МЕТАПОЗНАНИЯ И ЕГО ПРИНЦИПЫ

Настоящая статья открывает цикл публикаций, посвященных теме познания и его исследованию средствами философии и различных конкретных наук. До сих пор сохраняется принципиальная ограниченность в изучении познания как целостной системы. Сегодня мы располагаем огромным объемом информации, касающейся целостности познания, однако в нем отсутствует необходимая координация, единство самих подходов. В то же время область изучения познания разрослась настолько, что она, фактически, превращается на наших глазах в особый род познания, наряду с естественнонаучным и социально-гуманитарным познанием.

Метапознание – это особая сфера, род познания, где познание исследует само себя. Здесь уместно напомнить слова Гегеля о том, что «цель всякой науки состоит ... в том, что дух во всем, что есть на небе и на земле, познает самого себя» [1, с. 25]. Метапознавательный аспект присущ любому познанию на любом из этапов его развития. Интерес человека к самому себе как познающему существу уходит в глубь веков и тысячелетий. Но только современное познание созревает для того, чтобы образовать самостоятельную специализированную сферу изучения самого себя. Отталкиваясь от положения о том, что логика и теория познания должны быть выведены из развития всей жизни природы и духа [2, с. 80], можно утверждать, что метапознание должно учитывать все стороны своего объекта – познания, все разновидности его элементов и их структурной определенности. Само метапознание возникает с необходимостью из глубинной потребности сознания и познания постичь собственную сущность.

Метапознавательная проблематика зафиксирована уже в первых письменных свидетельствах человечества, не говоря уже о более поздних. Так, в Библии говорится: «Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых...» [3, с. 1245]. Впрочем, когда писались эти слова, метапознавательная проблематика уже активно обсуждалась древними греками с использованием вполне светских понятийных средств философии и логики.

Метапознание не может сводиться только к категориальному, гносеологическому рассмотрению. Изучение познания предполагает те же в целом уровни, что и естествознание и социально-гуманитарное познание, свою эмпирию и свою теорию разной степени общности. Формы исследования в метапознании – это знакомые всем сбор и отбор материала, факты, гипотезы, обобщения, гипотезы, теории, модели и т. д. и т. п. Конечно, в случае метапознания речь идет об этих формах применительно именно к познанию и его закономерностям как объекту исследования. Отметим также, что совпадение форм и несовпадение содержания метапознания и других родов и видов познания оказывается нередко источником различных

затруднений как при изучении самого познания, так и при проведении исследований в естественных и социально-гуманитарных науках.

Осуществлять метапознавательное исследование, значит «не просто познавать, а познавать самого себя; не просто знать, а знать, что знаешь» [4, с. 77]. Если следовать положению о том, что уже «система практической деятельности превращается в систему с рефлексией» [5, с. 219], то метапознавательное исследование представляет собой систему с «рефлексией рефлексии» или даже систему с «рефлексией рефлексии рефлексии». Впрочем, «двухэтажной» рефлексии оказывается достаточно для объяснения всех более сложных образований, связанных с рефлексией. К сожалению, приходится констатировать факт того, что представители многих видов познания почти на каждом шагу демонстрируют свое непонимание собственной деятельности.

Познание не может развиваться нормально, не порождая на всех уровнях и во всех отношениях рефлексии о самом себе. Оно должно осознавать свои прежние заблуждения, видеть перспективу своего развития. В этой связи представляется очень важным развивать самосознание науки, ее воззрения «на смысл и задачи научной деятельности, на ее общественную значимость» [6, с. 41]. Но осознание познанием, наукой самих себя никогда не было и сегодня не является прямолинейным процессом. Представления о природе познания порой расходились и расходятся едва ли не полярно. Одни уповают на отдельные открытия, связанные с природой познания, другие исходят из того, что нужно искать некую универсальную сущность познания. Ярким историческим примером подобного рода можно считать идею Лейбница о некоем универсальном языке, на котором можно было бы выразить любое знание. Сегодня нам понятно, что в процессе развития познания и практики развивается и сам язык, что новое знание и новые языковые (знаковые) средства возникают, как правило, совместно. Мыслить — «не значит унифицировать ... мыслить — значит научиться заново видеть, стать внимательным; это значит управлять собственным сознанием», — писал А. Камю [7, с. 37].

Способность управлять собственным сознанием в той или иной степени присуща всем людям. Сократ уже публично отмечал в качестве признака мудрости наличие у человека знаний о своем незнании. Ларошфуко говорил: «Есть глупцы, которые сознают свою глупость и ловко ею пользуются» [8, с. 62]. Эту линию можно продолжить положением о том, что «лишь тот способен стать умнее, кто понимает, что никто ... не гарантирован от глупостей» [9, с. 43]. Но непосредственное сознание позволяет контролировать свою практическую деятельность, в то время как самосознание (рефлексия) контролирует деятельность самого сознания, придавая ему новое качество.

Метапознавательная рефлексия имеет место везде, где возникает необходимость сознательного контроля над своей познавательной деятельностью. Поэтому, «говоря о рефлексии над способами научно-познавательной деятельности, мы имеем в виду акты мышления, направленные на выявление и сознательный контроль основания, условий и средств деятельности по формированию и развитию ... знаний. Степень рефлексивности научного мышления пропорциональна, таким образом, степени осознанности приемов и способов, посредством которых оно осуществляется, степени сознательного контроля над ними и овладения ими» [10, с. 25]. Это же можно утверждать о любом виде или типе познания, хотя и не в каждом из них данный момент является отчетливой рефлексивной составляющей.

Принято считать, что последовательное осмысление проблем познания начинается с положения Платона о том, что познание (знание) является «таинственным видом единства познающего и познаваемого» [см. 11, р. 18]. Но, конечно же, о своей способности познавать человек начал задумываться намного раньше. Сегодня можно говорить о том, что наряду с науками о природе, обществе и человеке сформировался целый ряд наук о самом познании, далеко выходящих за рамки гносео-

логического и логико-методологического и даже науковедческого подходов. От многих, преимущественно общественных и социально-гуманитарных наук отделились области исследований, ориентирующиеся на познание как на свой основной объект. Причем этот объект существенно отличен как от объектов наук о природе, так и от объектов наук об обществе и человеке, хотя он и составляет особую часть бытия человека. Здесь обнаруживаются специфические закономерности, не сводимые ни к каким другим. Так формируется новый род познания – познание самого познания, или метапознание.

Факт появления метапознания как особого рода познания подтверждается многочисленными косвенными и прямыми свидетельствами. Об этом говорит, например, все расширяющаяся практика употребления слов с приставкой «мета-». Так, в «Философском энциклопедическом словаре» [12] и в «Логическом словаре-справочнике» Н. И. Кондакова [13] фигурируют десятки подобных терминов: «метавысказывание», «метаинформация», «метатеория», «метаматематика», «металогика», «метаязык» и даже «метаметаязык» и т. п. Таких терминов становится все больше и больше. Вот некоторые последние, из попавшихся на глаза: «метасистема», «метатехнологии», «метапроблема», наконец, «метафилософия». Даже в учебнике по философии [см. 14] мы обнаруживаем целые разделы, озаглавленные «Метафилософия». Возникает потребность в использовании таких терминов, как «теория познания познания» («теория метапознания»), «теория теории познания» – для обозначения той части теоретического метапознавательного знания, в котором отражены закономерности развития самой теории познания как особого раздела философии.

Происходит лавинообразный рост метапознавательных элементов внутри современного естествознания и социально-гуманитарного познания. Думается, именно это обстоятельство имел в виду уже А. Эйнштейн, утверждая, что «теория познания без соприкосновения с наукой вырождается в пустую схему. Наука без теории познания (насколько это вообще мыслимо) становится примитивной и путанной» [15, с. 310]. При этом имеет место тенденция последовательного отказа от натурфилософских, по сути, построений в отношении познания, переориентация на фактологическую сторону познания как особого среза бытия человека средствами, которые предоставляет современная наука и культура в целом. Речь идет об особых фактах – метапознавательных. Подобные факты во многом еще только предстоит научиться формировать, в том числе в отношении самой философии, ибо одними историко-философскими подходами невозможно ограничиться. Термин «метафилософия» как раз и признает факты подобного рода.

Современное научное познание нуждается в особой подсистеме, которая бы занималась им самим в качестве особого самостоятельного предмета. Еще В. Виндельбанд писал, что «наряду с другими науками выступает ... теория науки», что специальные науки – «суть факт ... один из важнейших ... и они хотят в свою очередь стать объектом особой науки» [см. 4, с. 74]. С. Тулмин выступил с требованием «восстановить связи между расширением научных знаний и их рефлексивным анализом» [16, с. 23–24]. В. С. Швырев отмечает наличие «эмпирически фиксируемых» групп специальных дисциплин, изучающих науку [25, с. 30, 47]. В. В. Ильин констатирует факт отсутствия специализированной методологии гуманитарных наук, «сопоставимой с методологией наук естественных, невзирая на несомненные находки» [17, с. 77]. Он же использует близкий понятию «метапознание» термин «когнитивистика», которым обозначается вся область исследований, так или иначе выходящих на познание как свой объект. Когнитивистику, согласно В. В. Ильину, образуют такие науки, как психология, логика, медицина (психиатрия, нейрофизиология и т. д.), этнология, кибернетика, социология, культурология, языкознание, антропология и др. [там же, с. 6]. Сюда же он относит методологию и теорию познания.

Вопрос о выделении нефилософских исследований познания является принципиально важным. Наличие таковых, да еще в таком объеме, указывает на то, что мы имеем дело с особым системным качеством, которое «дорастает» до размеров самостоятельного рода познания. Нет сомнений, что теория познания составляет некоторый центр, ядро изучения познания как особого объекта. Но только ядро, которое должно быть окружено многочисленными слоями метапознавательных исследований. Это касается даже истории познания, так как познание изменяется даже в своем ретроспективном аспекте, что хорошо просматривается в работе Т. Куна [18]. В отношении познания, как и в других случаях, «история несет в себе и новые факты, и новые способы исследования, требующие дальнейшего развития теории» [19, с. 202]. Метапознанию не обойтись без изучения истории познания, истории философии, а также истории отдельных наук, истории умственного развития ребенка и животных, истории языка, о чем, в частности, В. И. Ленин писал еще в самом начале XX века [там же, с. 314].

Разработка концепции метапознания как особого рода познания предполагает его демаркацию относительно естествознания и социально-гуманитарного познания. Предметом двух последних являются природа и общество, предметом метапознания является само познание. Предметность естествознания и социально-гуманитарного познания относится к некоторому исходному, первичному уровню. Предметность метапознания носит вторичный по отношению к ним характер. Будем использовать для обозначения естествознания и социально-гуманитарного познания термин «предметное познание». Следует сразу отметить, что между предметным познанием и метапознанием нет непроходимой грани, скорее наоборот. Внутри предметного познания имеется тесно связанная с ним и с метапознанием своя «пятая колонна». Сфера предметного познания, особенно в настоящее время, насыщена так называемыми **метапредметными** элементами. Она даже включает в себя целые области, слои внутри предметного познания, которые носят, по сути, метапознавательный характер и из чего непосредственно вырастает метапознание. Правда, эти метапредметные элементы внутри предметного познания имеют основную ориентацию на содержание именно внешнего познания объекта. В отличие от метапознания, где все, даже предметные элементы берутся в их метапознавательной функции. Собственно, метапознавательная активность и появляется там и тогда, где и когда метапредметные элементы приобретают независимость от соответствующего предметного содержания. Происходит это тогда, когда формируется особый субъект познания, главным познавательным интересом которого становится исследование природы самого сознания и познания – **субъект метапознания**. Долгое время это были преимущественно философы, но затем, во все возрастающих размерах, это стали исследователи – представители других, нефилософских отраслей знания, обратившиеся к познанию.

Постепенно метапознание, как несколько веков назад естествознание и примерно век тому назад социально-гуманитарное познание, обретает собственную основу развития. Можно сказать, что метапознание в рамках целостной системы познания выступает в качестве своеобразной надстройки над предметным познанием как базисом, образуя вместе с последним тот или иной исторический тип познания, о чем пойдет речь в следующей статье цикла.

В познании, как и в других сферах своей активности, человек рано или поздно обнаруживает различные границы, пределы, за которые он с необходимостью выходит. Пожалуй, наиболее ярким примером подобного рода являются апории Зенона и антиномии-проблемы И. Канта. Именно так мы приходим и к обнаружению границ между предметным и метапознавательным уровнями познания вообще. Все основные аспекты познания, в известном смысле, возникают как бы одновременно, хотя и не обязательно сразу в своих наиболее развитых формах. «Физика и

метафизика изначально возникли совместно», – пишет Т. Кун [16, с. 25]. Различные компоненты познания имеют неодинаковую скорость своего исторического становления. Очевидно, что первые развитые формы естествознания возникают раньше развитых форм социально-гуманитарного познания. То же самое касается и развитых форм метапознания. Хотя отдельные элементы метапознания отчетливо просматриваются уже у древних греков, а затем пополняются многочисленными положениями Ф. Бэкона, Декарта, Лейбница, Канта, Гегеля и др., только в настоящее время метапознание приобретает характеристики самостоятельного рода познания. Видимо, в познании действует некий закон, согласно которому сначала должны развиваться до определенного уровня предметные области, причем, для них сохраняется некая своя последовательность, чтобы затем могло начать систематически развиваться метапознание. Как отмечал Гегель, «следует ... различать ... только ли мы существуем как мыслящие, или мы также знаем себя в качестве мыслящих. Первое мы представляем собой при всех обстоятельствах, последнее, напротив, в полной мере имеется лишь тогда, когда мы возвысились до чистого (читай – теоретического – С. Х.) мышления» [1, с. 276]. И далее – «всякое сознание другого предмета есть самосознание. Я знаю о предмете, что он мой (он – мое представление), поэтому в знании о нем я имею знание о себе» [там же, с. 214].

На ранних этапах познания все его уровни, сферы являются практически неразличимыми, синкретически слитыми друг с другом. Их разделение происходит постепенно, нередко в очень причудливых формах, например, через отнесение определенных познавательных функций к божеству, скрытым силам и т. п. Развитой слой метапредметных и, тем более, метапознавательных элементов – это достижение более поздних этапов развития познания. Для теоретического уровня познания проблема разграничения предметного, метапредметного и метапознавательного содержания еще более усложняется. В развитом познании, например, современной науки, одновременно функционируют сразу несколько теоретических подуровней, целая их иерархия. Кстати, различие предметного, метапредметного и метапознавательного аспектов свойственно в той или иной мере всем формам познавательной деятельности, включая неспециализированные, как, например, деятельность актера, режиссера и критика. Актерское сознание преимущественно предметно, режиссерское – метапредметно, рефлексия критика – это уже своеобразный метапознавательный уровень. При этом все трое призваны дополнять друг друга. Не случайно, хорошие актеры и режиссеры так ценят друг друга. К сожалению, хорошие критики – явление весьма редкое.

Предметное познание первично по отношению к метапознанию. Оно задает (должно задавать) главную линию развития познания. Непонимание природы этого отношения нередко приводит к различным коллизиям в отношениях «предметников» и «метапредметников». Так, С. Тулмин отмечает факт некоторого презрительного отношения предметников к метапредметникам, в частности к философам, как носителям якобы «ничем не сдерживаемого потворства своим желанием» [16, с. 292]. С другой стороны, фактом является и то, что сами предметники, представители различных конкретных наук о природе и обществе, меньше интересуются метапредметными и метапознавательными аспектами своих исследований, например, методологическими, чем непосредственными объектами исследований, забывая о том, что объекты всегда даны им отнюдь не в «чистом» виде, а только в тех исторических формах, которые выработаны ко времени проведения ими своих исследований. Предметнику нужен сознательный подход к средствам, предпосылкам своей деятельности. Это приводит к тому, что в рамках самих конкретных наук начинает формироваться некая «рабочая методология». А это, в свою очередь, нередко сопровождается неразборчивостью относительно используемых ими, например, философских по своей сути принципов. Сегодня, однако, большинство конкретных наук, как естествен-

ных, так и социально-гуманитарных, подошли к осознанию необходимости сознательного всестороннего развития своих частных методологий. Их перестает удовлетворять ситуация, при которой «рабочая», или «отраслевая методология» «оказывается эмпирической, а в тех немногих случаях, когда она теоретизируется, приближается к философской гносеологии, в ней обнаруживается несогласованность, односторонние трактовки» [20, с. 88]. Для разрешения подобных проблем «отраслевых методологий», а также многих других, нужно чтобы развернулось в полном объеме современное метапознание, причем, системно и во взаимосвязях со всеми конкретными науками. А это произойдет тогда, когда само метапознание будет руководствоваться определенными общими правилами – принципами, выработанными к настоящему времени наукой и ориентированной на науку философией.

К числу основных принципов современного метапознания можно отнести следующие известные требования: принцип объективности (материальности), принцип причинности, принципы отражения, системности, историчности, принцип активности субъекта познания, деятельностный принцип (подход), наконец, диалектический подход как таковой. Что касается нередко упоминаемых сегодня, особенно в социально-гуманитарных науках, принципов эмпиризма, феноменологизма, герменевтики, принципа свободы, разделения сущности и существования и ряда других, то они не должны просто отбрасываться. Эти и некоторые другие принципы, установки должны учитываться там, тогда и в той мере, когда они высвечивают новые, необычные моменты, направления, средства разрешения проблем познания. Главное, чтобы не происходила идеологизация как философии, так и любой конкретной науки. Известные положения о «партийности» философии, о социалистической и буржуазной науке и другие вообще должны быть вынесены за рамки серьезной науки. Философия, теория познания, метапознание, конкретные науки о природе и обществе представляют собой свободный, творческий, но и критический процесс осмысления действительности, основывающийся на вырабатываемых ими самими же критериях, при учете действующих в современном обществе нравственных установок и ценностей. Последние, кстати, сами могут и должны стать объектами серьезных научных исследований, например, в современной этической науке.

Принцип объективности. Он ориентирует на поиск в самом познании начала, которое не зависит от субъектов познания, хотя и проявляется только в их деятельности. При опоре на этот принцип и возможно применение категорий научного мышления к историческому развитию познания, ибо «все попытки создать теорию познания строились как решение проблемы достоверного знания» [21, с. 33]. Сама логика человеческого мышления основывается на объективных отношениях, складывающихся между результатами абстрагирующей, познавательной деятельности людей. Но объективный – не значит безошибочный: «результаты исследований, – писал Б. Рассел, – иногда оказываются ошибочными, но это не делает их субъективными» [22, с. 464].

Сложность проведения принципа объективности (материальности) заключается в том, что сам объект метапознания – познание – в существенной мере является идеальным, вторичным образованием. Формирование и развитие познавательной способности неотделимо от формирования и развития сознания человека как такового. Поэтому принцип объективности должен быть гибким настолько, чтобы допускать, с одной стороны, материальную основу сознания и познания, а с другой – способность идеального сознания творить новое материальное.

Только через принцип объективности может быть использован **принцип причинности**, а также связанный с ним **принцип отражения**.

Субъекты познания, познающие люди, всегда действуют в рамках определенного социального, культурного качества. Через осознание и учет этого обстоятельства можно прийти к научному анализу проблемы детерминации сознания

познающих людей, проблемы соотношения свободного поиска и необходимости в познании. Причем, принципу причинности не может противоречить идеальный характер данности предметного содержания сознания и познания. Более того, сама идеальность предмета, данного в сознании и познании, выступает как вполне объективное и даже очень принудительное в отношении деятельности познающего человека обстоятельство. Н. А. Бердяев отмечал, что «идеальная ... детерминация есть самая беспощадная и при этом придающая себе возвышенный характер в отличие от детерминации материальной» [23, с. 220].

Об отражательной природе сознания и познания говорилось задолго до появления теории познания диалектического материализма, с которой ее зачастую связывают и поэтому переносят на отражение дополнительные негативные характеристики. Именно принцип отражения позволяет распространить на сферу идеального, как особую, высшую форму отражения, принцип причинности и тем самым ввести изучение сферы идеального, познавательной способности человека, в рамки действительной науки. Разумеется, отражение при этом должно пониматься в последовательно философском, диалектическом смысле, а именно, как всеобщее, качественно многообразное, активное проявление материальной субстанции.

Диалектический подход нацеливает на понимание познания как процесса качественных новообразований. Он дает сегодня знать о себе и в западной методологической традиции. Так, С. Тулмин пишет о том, что необходимо, «чтобы мы пришли к терминам развивающихся взаимодействий ... Вместо неизменного разума, получающего команды от неизменной природы посредством неизменных принципов, мы хотели бы найти изменчивые познавательные отношения между изменяющимся человеком и изменяющейся природой» [16, с. 41]. Очевидно, сторонником диалектического подхода был С. Н. Трубецкой, который отмечал: «Сознать себя во всем и все в себе, вместить полноту истины в реальном, абсолютном союзе со всеми – это конечный религиозный идеал жизни, а не только знания» [4, с. 466].

Диалектическому подходу присущ дух критицизма, нацеленность на преодоление любых абсолютизаций, который в значительной мере был утерян отечественными представителями диалектического материализма в известное время. Сегодня настораживает тенденция явного или неявного отхода, дистанцирования многих исследователей, особенно в гуманитарной сфере, от данной методологии. Мы считаем, что от нее не только не следует отходить, а развивать дальше, тем более, что сейчас для этого имеются все необходимые условия.

К названным выше принципам и подходам тесно примыкает, конкретизируя их, **системный подход**. Познание по самой своей природе есть органическое системное образование. Чтобы познавать, человек должен быть включен в систему познавательных отношений своего времени. Сегодня и на Западе, и в нашей стране происходит как бы новое открытие «энтузиастами системной методологии» истин, которые уже открыты основоположниками диалектики. Чтобы понять познание как организованную целостность, нужно знать все его компоненты, отношения между ними. Это-то и послужило причиной бурного становления системной методологии. Чаще всего данная методология рассматривает познание как открытую систему, действующую нередко методом проб и ошибок, ибо без этого познание лишилось бы необходимой для всякой развивающейся системы энтропии. Познание нужно рассматривать также как функциональную систему.

Объективное воспроизведение познания в его темпоральных особенностях позволяет обеспечить **исторический подход (принцип)**. Исторические исследования познания составляют саму основу метапознания. Как и везде, здесь нужно «рассматривать свой предмет ... исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переходя от незнания к познанию» [24, с. 54–55]. Это касается и отдельных наук, и познания в целом. «Теория психологического познания, – отмечается в од-

ной из работ [25, р. 12], – развивается согласно ее истории», а «задача историка психологии – реконструировать цепь прошлых озарений (прозрений) ... которые сыграли важную роль в получении новых знаний о психике» [там же, р. 7].

Исторический принцип предполагает учет требования конкретного анализа конкретной ситуации применительно к познанию. Такой анализ позволяет решить множество как общих, так и весьма узких вопросов, например, вопрос о том, действительно ли «политические факторы влияют на науку в целом сильнее моральных» [5, с. 225], и относится ли это ко всем историческим типам познания или только к некоторым.

База метапознания будет неполной, если в ней не представлен принцип деятельности, или, быть может, точнее, процессуально-деятельностный подход, поскольку познание не сводится только к деятельности людей, в нем происходит также специфическое движение элементов, которые непосредственно не являются составными частями деятельности, но включены в познание как некоторый сложный процесс. Деятельностный подход позволяет учесть фактор, о котором применительно к труду говорил К. Маркс, а именно: человек в процессе познания не только постигает форму объекта познания, но в нем он вместе с тем осуществляет свою сознательную познавательную цель. И эта цель (познавательная), как закон, определяет характер и способ познавательных действий. Такой цели познающий человек подчиняется до поры до времени, пока не поставит перед собой некоторой новой познавательной цели.

Деятельностный подход является конкретизацией теории отражения применительно к исследованию механизмов формирования и развития знаний [10, с. 5]. За знанием этот подход позволяет обнаруживать механизмы познавательной деятельности [там же, с. 55]. Он преодолевает ограниченность созерцательного подхода к познанию и одностороннего эмпиризма [там же, с. 56]. Наконец, при таком подходе все предпосылки и условия познания осознаются как компоненты структуры деятельности [там же, с. 97]. Именно деятельностный подход, учитывающий специфику субъектов познания, ведет к обращению к ценностному подходу (принципу).

Ценностный подход представляет для метапознания и средство, и особую проблему, так как он стал применяться сравнительно недавно, хотя в отдельных отношениях его использовал фактически еще Сократ. Несмотря на свою «молодость», ценностный, или аксиологический, подход уже сейчас работает на решение многих проблем познания. Что касается культурологических исследований познания, то они с самого начала включали ценностный аспект познания в свой предмет. Без категории «познавательные ценности» невозможно решение вопроса о направленности познания, о том, почему выбираются одни направления, средства, сами предметы познания, а не другие. Через ценностный подход метапознание выходит на проблему связей своего предмета, его результатов с другими сферами человеческой жизнедеятельности как культурными феноменами.

В заключение статьи остановимся кратко на соотношении метапознания и сферы науковедческих исследований. Вообще-то, по сути, вся сфера изучения познания – метапознание – и должна была бы называться «науковедением», или «познаваниеведением». Но случилось так, что термин «науковедение» закрепился за исследованиями, которые охватывают даже научное познание далеко не полностью. Познание вне сферы науки оно, как правило, вообще не исследует. Если в метапознание мы включаем все исследования, имеющие познание, причем любых видов и типов, своим основным объектом, то науковедение лишь предполагает использование кибернетики, информатики, истории естествознания и техники, логики, социологии, экономической науки, психологии, юриспруденции, педагогики, гигиены умственного труда [см. 26, с. 17–18].

Справедливости ради следует отметить, что идея некоего «наукоучения» возникла не сегодня, даже не в XX в. Подобную идею сформулировал более двухсот лет

тому назад Фихте, который писал: «Наукоучение говорит работнику науки, что он может знать и чего не может, о чем он может и должен спрашивать, указывает ему последовательность исследований ... учит его, как проводить эти исследования и как вести свои доказательства» [см. 4, с. 45]. Нечто подобное мы обнаруживаем и у В. Виндельбанда: «Философия не есть более учение о вселенной или о человеческой жизни – она есть учение о знании, она не «метафизика вещей», а «метафизика знания» [там же, с. 74]. По нашему мнению, науковедение, как и подходы Фихте и Виндельбанда, представляют собой особые части метапознания, не покрывающие всю его предметную область. Но они и многие другие представляют собой важные части метапознания, как эмпирического, даже прикладного, так и теоретических уровней.

Следующая статья цикла будет посвящена ключевой категории метапознания – «тип познания».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Ч. 3. Философия духа. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1956. 371 с.
2. Ленин В. И. Философские тетради // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. М.: Изд-во полит. лит., 1969. С. 7–776.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Московская патриархия, 1992. 1372 с.
4. Мир философии: Книга для чтения: В 2-х ч. Ч. 1. Исходные философские проблемы, понятия и принципы. М.: Политиздат, 1991. 672 с.
5. Фофанов В. П. Социальная деятельность как система. Новосибирск: Наука, 1981. 304 с.
6. Фролов И. Т., Юдин Б. Г. Этика науки: Проблемы и дискуссии. М.: Политиздат, 1986. 399 с.
7. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
8. Ларошфуко Ф., Паскаль Б., Лабрюйер Ж. Суждения и афоризмы. М.: Политиздат, 1990. 384 с.
9. Селиванов Ф. А. Ошибки. Заблуждения. Поведение. Томск: Изд-во ТГУ 1987. 200 с.
10. Швырев В. С. Научное познание как деятельность. М.: Политиздат, 1984. 232 с.
11. Abel R. Man is the Measure. NY.: The Free Press, L.: Collier Macmillan Publishers, 1976. 296 p.
12. Философский энциклопедический словарь. М.: Совет. энциклопедия, 1983. 840 с.
13. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975. 720 с.
14. Алексеев П. В., Панин А. В. Философия: Учебник для вузов. М.: ТЕИС, 1996. 504 с.
15. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т. 4. М., 1967.
16. Тулмин Ст. Человеческое понимание. М.: Прогресс, 1984. 327 с.
17. Ильин В. В. Теория познания. Введение. Общие проблемы. М.: Изд-во МГУ, 1993. 168 с.
18. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975. 288 с.
19. Ленин В. И. Рецензия на книгу К. Каутского «Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика» // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. М.: Изд-во полит. лит., 1967. С. 199–210.
20. Алексеев П. В. Наука и мировоззрение: Союз марксистской философии и естествознания. М.: Политиздат, 1983. 367 с.
21. Аналитическая философия: Избранные тексты. М.: Изд-во МГУ, 1993. 181 с.
22. Рассел Б. История западной философии. М.: Изд-во ин. лит., 1959. 935 с.
23. Мир философии: Книга для чтения: В 2-х ч. Ч. 2. Человек. Общество. Культура. М.: Политиздат, 1991. 624 с.
24. Ленин В. И. Карл Маркс / Краткий библиографический очерк с изложением марксизма // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. М.: Изд-во полит. лит., 1969.
25. Yaroshevsky M. A. History of Psychology. M.: Progress Publishers, 1990. 416 p.
26. Добров Г. М. Наука о науке. Введение в общее наукознание. Киев: Наукова думка, 1966. 271 с.